

Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II

ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948

Под общей редакцией Ф. М. Головешченко

Редакция С. П. Бычкова

OCR Бычков М.Н.

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, как *украшенное подражание природе* было основным и главным положением поэтического кодекса прошлого века. Высочайшая похвала, какой только может удостоиться поэт нашего времени, самый громкий титул, каким только могут теперь почтить его современники или потомки, заключается в волшебном эпитете "народного". Выражения: *народная поэма, народное произведение*, часто употребляются теперь вместо слов - *превосходное, великое, вековое произведение*. Волшебное слово, таинственный символ, священный иероглиф какой-то глубоко знаменательной, неизмеримо обширной идеи -- *народность* как будто заменила теперь собою и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в одном себе и эстетику и критику; сделалась теперь высшим критериумом, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы. Все требуют от поэзии прежде всего народности, а потом уже здравого смысла; но многие ли отдают себе отчет в том, что такое эта народность, хотя это слово и кажется всем столь простым и понятным? Но не все то бывает в самом деле тем, чем оно кажется. По крайней мере слово *народность* так же точно требует своего определения, как и всякое другое слово, которое заключает в себе какую-нибудь мысль. Слово же *народность* именно есть одно из тех слов, которые потому только и кажутся слишком понятными, что лишены определенного и точного значения. По крайней мере в нашей литературе не заметно особенной определенности в понятии о народности в поэзии.

Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа. Жизнь всего живущего составляет *идея*: в чем нет идеи, то не живет. Но сущность идеи, вне ее чувственного проявления, заключается в отвлеченной, безразличной всеобщности. И потому идея только тогда есть нечто живое и действительное, когда она переходит в явление, а ее всеобщность является особенностью, индивидуальностью и личностью. Так природа есть идея, до сознания которой человек дошел через созерцание бесконечно разнообразных явлений видимого мира. В слове *природа* человеческий разум выразил свое понятие о единстве бесконечно разнообразных явлений чувственной жизни. Человечество есть тоже идея, как выражение понятия о физическом и нравственном единстве бесчисленного множества отдельных существ, называемых людьми. В своем первоначальном значении природа есть самостоятельная творящая сила, неисчерпаемая и неистощаемая жизненная субстанция, которая, из безразличного субстанциального пребывания в самой себе, беспрестанно определяется в живые отдельные явления, -- другими словами: беспрестанно обособляется, индивидуализируется и персонифицируется. В царстве ископаемого и растительного она обособляется, то есть раскидывается на бесконечное множество *особных* явлений, из которых каждое имеет свою особенную форму. В царстве животного особность является еще и индивидуальностью (неделимостью). Камень есть предмет особый, но не индивидуальный: расколите его на тысячи кусков, превратите в пыль, -- этим вы не лишите его жизни, а только из одного камня сделаете множество камней бесконечно меньшего объема. Дерево живет высшею жизнью в сравнении с камнем; но и оно представляет собою только высшее явление *особности*, но еще не представляет собою *индивидуальности*: нельзя ничем доказать, чтобы ему нужно было именно столько ветвей и листьев, сколько их есть на нем, и, обрубивши часть его ветвей или сорвав часть его листьев, вы не лишите его этим ни его жизни, ни его особенности. Дерево есть *организм*, но стоящий на низшей степени: оно увеличивается, как и животное, через рращение изнутри, но это рращение носит на себе характер случайности и внешности: ветвь удлиняется коленами, число которых случайно: сломивши одно, вы этим ничего не лишаете дерева. Основание животного царства, кроме особенности, заключается еще и в индивидуальности: у животного определенное число органов и членов. Отрезавши у собаки ногу, можно ее залечить и не допустить умереть, но тогда она изуродована, потому что у нее отнят член, необходимый для полноты ее существования. В человеке, как высшем существе животного царства, повторяется и особность и индивидуальность и сверх того является